Организация Объединенных Наций A/C.6/58/SR.19

Генеральная Ассамблея

Пятьдесят восьмая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
11 October 2004
Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 19-м заседании,
состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, в пятницу, 31 октября 2003 года в 15 ч. 00 м.

Председатель: г-н Баха . . . . . (Филиппины)

Содержание

Пункт 158 повестки дня: Международная конвенция против клонирования человека в целях воспроизводства

Пункт 152 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят пятой сессии

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели после даты издания* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza).

Поправки будут изданы после окончания сессии в отдельном для каждого комитета документе, содержащем только исправления.

03-59168 (R)

0359168

Заседание открывается в 15 ч. 00 м.

Пункт 158 повестки дня: Международная конвенция против клонирования человека в целях воспроизводства (*продолжение*)

1. **Г-н Долатьяр** (Исламская Республика Иран), выступая от имени государств — членов Организации Исламская конференция, говорит, что эти государства решили направить процедурное ходатайство согласно правилу 116 правил процедур Генеральной Ассамблеи, в котором они обращаются с просьбой к Комитету отложить рассмотрение этого пункта до шестидесятой сессии, поскольку они испытывают озабоченность в связи с возможным отсутствием консенсуса в отношении конвенции на нынешней сессии.

2. Выступающий говорит, что представляемые им государства не желают ущемлять национальные позиции по этому вопросу, но озабочены разногласиями в Комитете и поэтому надеются, что все делегации, понимая сложный характер этого вопроса, поддержат это ходатайство.

Пункт 152 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят пятой сессии (*продолжение*) (A/58/10)

3. **Г-жа Боле** (Словения), касаясь темы «Оговорки к договорам», говорит, что, хотя Комиссия была права, признав, что основные положения о таких оговорках изложены в Венских конвенциях о праве международных договоров, не имеющие обязательной силы положения в форме Руководства по практике были бы чрезвычайно полезными и заполнили бы пробелы в этих конвенциях, которые не регулируют ни заявления о толковании, ни возражения против оговорок. Самое большее удовлетворение вызывают проекты руководящих положений о снятии оговорок и о типовых положениях, особенно потому, что типовые положения будут служить в качестве примеров, которые можно использовать в их нынешнем или адаптированном виде, когда государства или международные организации ведут переговоры относительно того или иного договора. Пояснительная записка о типовых положениях также является полезной, и в будущем, видимо, было бы целесообразным добавлять дополнительные записки по другим вопросам. Поскольку Руководство по практике нуждается в дальнейшем разъяснении в целях обеспечения непременного использования правильной процедуры, комментарии к Руководящим положениям обязательно должны составлять неотъемлемую часть Руководства.

4. Определение возражений против оговорок, предложенное Специальным докладчиком в главе II его восьмого доклада (A/CN.4/535/Add.1), является приемлемым, поскольку оно основывается на Венских конвенциях и является достаточно широким для того, чтобы охватить разнообразные цели, преследуемые государствами или международными организациями. Нормы о расширении сферы действия оговорки, в действительности, могут быть приведены в соответствие с нормами, применимыми в случае впоследствии сформулированной оговорки и принятыми Комиссией в 2001 году. Правительство Словении разделяет мнение Специального докладчика о том, что если государство или международная организация проявляют недобросовестность, то возражение одного государства заблокирует расширение сферы действия оговорки.

5. Комиссии следует продолжить рассмотрение темы «Односторонние акты государств» и подготовить руководящие принципы или рекомендации в их отношении, поскольку число дел, сопряженных с такими актами и рассмотренными Международным Судом, подтверждает существование и, следовательно, важность практики, влекущей за собой возникновение международных обязательств и сопряженной с обязательствами государств.

6. **Г-жа Тарасена Секайра** (Гватемала) говорит, что скудные результаты, достигнутые Комиссией в работе над темой «Односторонние акты государств», являются источником озабоченности. Разумеется, что этот процесс был сопряжен с трудностями, однако решение Комиссии о принятии в 2002 году совершенно нового подхода явно привело к тому, что Специальный докладчик подготовил шестой доклад (A/CN.4/534), который состоит из общего предварительного исследования вопроса о признании как одном из четырех классических видов одностороннего акта. Как и предшествующие доклады, этот доклад был отличным и поэтому нет оснований для тревоги, если планируется, что за ним последуют другие доклады, посвященные трем иным видам одностороннего акта. Однако, как представляется, такие планы отсутствуют и рекомендации новой рабочей группы, изложенные в пункте 305 доклада Комиссии (A/58/10), являются в некоторой степени неудовлетворительными. Опре-

деление одностороннего акта в рекомендации 1 расходится с определением Специального докладчика в пункте 81 его пятого доклада (A/CN.4/525), которое является значительно лучшим. Поэтому выступающий интересуется причинами отказа от него. Рекомендация включает в себя термин «согласие», которое совершенно ясно подразумевает существование двусторонних отношений.

7. Рекомендация 2 вызывает удивление, поскольку поведение государств, которое аналогично одностороннему акту, охватывает широкий круг мер, начиная от односторонних актов, которые не являются самостоятельными, поскольку они регулируются нормами общего международного права, односторонних актов, конкретно предусмотренных в договорах и связанных с учреждениями, созданными в силу договоров, и заканчивая эстоппелем и бездействием, хотя они не вписываются в определение в рекомендации 1. Определение односторонних актов, в отношении которых должны быть предложены проекты статей, как об этом говорится в рекомендации 3, сделало бы определение, содержащееся в рекомендации 1, более или менее бесполезным, и любое исследование, проведенное в соответствии с рекомендацией 2, было бы бесцельной тратой времени.

8. На первом этапе было бы более целесообразным не принимать во внимание существующие проекты статей и перечислить акты, которые надлежит принять во внимание, иными словами, самостоятельные акты. Затем Комиссия должна была бы достичь согласия относительно того, состоят ли эти акты только из явно выраженных актов или же при определенных обстоятельствах принимают форму воздержания и молчания, прежде чем решить вопрос о том, включать или не включать имплицитные акты и эстоппель, а также рассмотреть вопрос о необходимости регулирования только тех актов, которые могут быть поименованы, или же необходимости регулирования и «непоименованных» актов. Иными словами, следующий шаг должен заключаться в определении того, должен ли перечень односторонних деяний быть открытым и нужно ли принять общие нормы, применимые по отношению ко всем односторонним актам в перечне, или же необходимо принять конкретную норму для каждого акта. Если Комиссия сделает выбор в пользу как общих, так и особых норм, то тогда ей надо будет определить, регулируется ли каждый акт общими нормами, особыми нормами или обоими видами норм.

9. Касаясь проекта руководящих положений об оговорках к договорам, выступающая говорит, что было бы целесообразным добавить в конце первого предложения пояснительной записки выражение «рекомендуемых для включения в многосторонние договоры» (A/58/10, пункт 368). Первый пункт комментария к записке должен быть расширен и включать в себя соображения о характере проектов руководящих положений, т.е. о том, что они не имеют значительной нормативной силы и являются сводом рекомендованных практических мер, а также заявление о том, что такие рекомендации могут быть полезными при толковании Венских конвенций, поскольку некоторые из проектов руководящих положений, например проект руководящего положения 1.1.1, на практике являются их толкованиями.

10. Что касается типовых положений, то в конце типового положения C следует добавить предложение следующего содержания: «Если государство не установило эту дату, то снятие вступает в силу через X [месяцев] [дней] после даты получения уведомления [депозитарием]». Сами типовые положения должны быть помещены в приложение, как это предложил Специальный докладчик. Хотя комментарии к проектам руководящих положений, принятых в предварительном порядке в 2003 году, содержат материалы, представляющие большой исторический интерес, на самом деле они должны ограничиваться описанием порядка толкования и применения проектов руководящих положений.

11. Что касается проектов руководящих положений, которые были обсуждены, но не приняты в 2003 году, то второй вариант проекта руководящего положения 2.6.1, содержащийся в примечании 221 доклада Комиссии, является предпочтительным по сравнению с вариантом, предложенным Специальным докладчиком в пункте 363, поскольку он является нейтральным с точки зрения допустимости возражений против оговорок. Несмотря на постановление Европейского суда по правам человека в деле Белилоса, Специальный докладчик был прав, когда утверждал, что возражение, порождающее «супермаксимальные» последствия, не имеет действительной силы. Аналогичным образом, выступающая полностью соглашается с его мнением относительно «квазивозражений». Чрезвычайно важ-

но провести различие между возражением против действительной оговорки и возражением против оговорки, которая не имеет действительной силы, поскольку она не согласуется с целью рассматриваемого договора. Строго говоря, необходимость во втором виде возражения может отпасть, если считать, что государство, сопроводившее свой акт присоединения к договору оговоркой, которая по вышеуказанным причинам не имеет действительной силы, не может рассматриваться в качестве стороны этого договора.

12. Очень хорошо, что Специальный докладчик намерен представить проект руководящего положения, побуждающий выдвигающее возражения государство указывать причины для формулирования их возражений, поскольку такая практика отражает желательную тенденцию. По этой причине заслуживает похвалы поддержка Комиссией этого предложения. Парадоксально, что сами случаи, когда было чрезвычайно важно указать основания возражения, были случаями, когда, по мнению возражающего государства, оговорка, против которой выдвинуто возражение, была недопустимой.

13. **Г-н Тавариш** (Португалия) говорит, что Комиссию международного права следует поблагодарить за проведенное ею исследование по вопросу об односторонних актах, которые играют важную роль в международных отношениях. На нынешнем этапе следует собрать больше информации о государственной практике в этой области. Было бы предпочтительным, чтобы Комиссия сконцентрировала свое внимание на общих и особых нормах, применимых к различным видам так называемых односторонних актов strictu senso. Другой вопрос, заслуживающий рассмотрения, заключается в том, что если односторонние акты будут регулироваться договорным режимом, то это может поставить под угрозу их самостоятельный характер и, следовательно, самостоятельный характер источника международного права.

14. Чувство самого глубокого удовлетворения вызывает неуклонный прогресс в работе над темой об оговорках к договорам, особенно факт принятия в 2003 году 11 проектов руководящих положений о снятии и изменении оговорок. Тем не менее вызывает сомнение допустимость расширения сферы охвата оговорок после их формулирования. Режим оговорок, установленный в Венских конвенциях о праве международных договоров, отвечает целям, с которыми он был создан, и расширение сферы его охвата в предлагаемом порядке не согласовывалось бы с этими целями. Можно даже сказать, что такое руководящее положение было бы несовместимым с объектом и целью Венских конвенций, поскольку оговорки являются и должны оставаться исключением из договора. Комиссии не следует пытаться кодифицировать определение «возражения против оговорки», поскольку статья 20, пункты 4b и 5, и статья 21 Венской конвенции являются достаточными в этой связи, и ей следует продолжить изучение практики государств.

15. Правительство его страны сделает все от него зависящее, чтобы представить Комиссии информацию о грунтовых водах, необходимую ей для рассмотрения темы «Общие природные ресурсы».

16. **Г-н Ламмерс** (Нидерланды) отмечает, что, хотя работа над сложной темой «Односторонние акты государств» началась в 1996 году, Комиссия еще не вышла за рамки обсуждения методологии для составления конкретных статей. Кроме того, сфера охвата темы была изменена, и она стала включать в себя не только односторонние акты strictu senso, которые могут стать предметом проектов статей, но и поведение государств, которое может повлечь за собой юридические последствия, аналогичные им, с целью включения руководящих положений или рекомендаций. Делегация Нидерландов предпочла бы, чтобы Комиссия стремилась к разработке проектов статей применительно к обеим этим категориям; затем Генеральная Ассамблея могла бы принять решение о том, в какую юридическую форму их облечь.

17. Мнение о том, что эта тема является просто социологической реальностью и не созрела для кодификации, игнорирует практику Международного Суда; дела о ядерных испытаниях устранили возможность отрицания того, что односторонние акты являются юридическим институтом и могут иметь правовые последствия. Однако с учетом сложности рассматриваемых вопросов Специальный докладчик поступил правильно, решив сначала проанализировать различные «классические» односторонние акты на основе норм, применимых по отношению ко всем из них.

18. Специальный докладчик начал с признания в качестве одного из конкретных видов одностороннего акта. Хотя, как представляется выступающему,

еще предстоит рассмотреть другие односторонние акты, такие, как обещание, отказ или протест, рассмотрев только вопрос о признании, Специальный докладчик уже охватил широкий диапазон норм, которые могут быть применимыми по отношению к другим видам односторонних актов. Различия между разными актами часто размыты. Видимо, было бы целесообразным составить матрицу, в которой по горизонтали будут указаны различные категории односторонних актов, а по вертикали — юридические вопросы, нуждающиеся в рассмотрении.

19. Наконец, что касается практики государств, то отклик на вопросник Комиссии действительно является очень ограниченным. По опыту выступающего, проследить и определить релевантную практику чрезвычайно сложно. Делегация Нидерландов в своем ответе на более ранний и более общий вопросник Комиссии привела пример заявления, касающегося учений Организации Североатлантического договора. Делегация его страны также указала на признание новых государств, появившихся в результате расчленения бывшей Югославии и распада Советского Союза.

20. Касаясь темы «Оговорки к договорам», выступающий говорит, что, хотя Специального докладчика следует поблагодарить за работу над практическими аспектами этой темы, по прошествии почти 10 лет и после восьми докладов работа должна близиться к завершению.

21. Специальный докладчик хорошо потрудился над определением понятия «возражение», однако более уместным является вопрос о том, какое определение надлежит использовать. Как представляется, на основе статьи 2, пункт 1(d), Венских конвенций в проекте руководящего положения 2.6.1 проводится различие между двумя видами возражений со стороны возражающего государства. Однако делегация его страны сомневается в том, охватывает ли предлагаемое определение в полной мере любые намерения, с которыми государство формулирует возражения: оно слишком сильно сориентировано на договорный аспект возражений и не учитывает политический аспект, находящий отражение в современной практике, согласно которому возражения не исключают вступление в силу договора между формулирующим оговорку государством и возражающим государством, если только последнее в явно выраженной форме не выразило желание не вступать в договорные отношения с государством, формулирующим оговорку. Мало используется вариант невступления в договорные отношения, и одна из причин этого заключается в том, что реакция на оговорки к растущему числу нормативных договоров, таких, как документы по правам человека или экологические договоры, часто нацелена в основном на надлежащее толкование того или иного положения, а не конкретное применение inter se соответствующего положения в отношениях между формулирующим оговорку государством и возражающим государством. Возражения, которые касаются качественных и материально-правовых аспектов оговорки, не должны быть исключены из проекта руководства по практике, и выступающий самым настоятельным образом призывает Специального докладчика пересмотреть проект этого руководящего положения. Как указывается в пункте 35 доклада Комиссии, нецелесообразно слишком сильно полагаться на текст Венских конвенций в этой связи. Более реалистичным является более широкое определение, если оно необходимо вообще.

22. Что касается юридических последствий возражения, то делегация его страны согласна с тем, что они определяются намерением возражающего государства, которое в этой связи должно тщательно подходить к формулированию возражения. Вопрос, касающийся положительных или отрицательных сторон четкого изложения мотивов возражений против оговорок, является скорее политическим, а не юридическим вопросом. Юридическое обязательство делать это отсутствует, и могут существовать причины для того, чтобы не давать объяснений. Должно быть достаточно указания на ту часть оговорки, которой касается возражение. Желательность изложения мотивов возражения является другим вопросом. По мнению делегации его страны, это желательно, однако практика государств в этом отношении не является очень последовательной. Обоснование возражения может иметь информативную или даже просветительскую ценность. Кроме того, указание того, что неприемлемо для возражающего государства, может также приравниваться к релевантной практике государств в случае возникновения вопросов, касающихся развития норм обычного права.

23. По мнению делегации его страны, вопрос о расширении сферы действия оговорки идентичен вопросу, касающемуся сформулированных впоследствии оговорок: время выражения согласия на обя-

зательность — это последний момент, когда могут формулироваться оговорки; в противном случае в право международных договоров была бы привнесена весьма нежелательная гибкость.

24. **Г-н Эхренкрона** (Швеция), выступая также от имени других стран Северной Европы, Дании, Финляндии, Исландии и Норвегии, говорит, что вопрос об оговорках к договорам имеет особую важность; Комиссии следует продолжить работу над этой темой. Проект руководства по практике будет полезным для правительств и других сторон. Выступающий выражает удовлетворение по поводу того, что Специальный докладчик приступил к выполнению своей сложной задачи, заключающейся в скрупулезном изучении юридической практики в области оговорок к договорам, и что он намерен представить проекты руководящих положений относительно «посвященного оговоркам диалога». Кроме того, следует поддержать углубленное исследование практики, касающейся допустимости или действительности оговорок, которые тесно граничат с возражениями.

25. Страны Северной Европы считают, что определение «возражений», содержащиеся в проекте руководящего положения 2.6.1, является слишком узким. На практике они возражают против оговорок, считающихся несовместимыми с объектом и целью договора, особенно какого-либо договора по правам человека, на том основании, что несовместимые оговорки ipso facto являются недействительными и, следовательно, недопустимыми: молчаливое признание другими государствами не устраняет элемент недопустимости и не делает оговорки допустимыми. Можно утверждать, что необходимость в таких возражениях в действительности отсутствует, поскольку рассматриваемые оговорки в любом случае не имеют правовых последствий. Однако их положительная сторона заключается в изложении мнения других участников договора, что позволяет вынести вопрос на обозрение широкой общественности. Благодаря им формулирующее оговорку государство и другие государства-участники узнают о том, что, если оговорка не совместима с объектом и целью договора, она должна считаться ничтожной и не имеющей юридической силы. Действительно, если разрешить формулировать недопустимые оговорки, то целостность договоров может быть серьезно подорвана. Такие важнейшие документы в области прав человека, как Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания или Конвенция о правах ребенка, могут быть серьезно ослаблены государствами, ратификационные документы которых содержат явно недопустимые оговорки.

26. Из этого не всегда следует, что государство, сформулировавшее недопустимую оговорку, не будет находиться в договорных отношениях с теми, кто выдвинул возражения против этой оговорки. Однако Специальный докладчик полностью исключил из своего определения возражения, которые направлены на не имеющие действительной силы оговорки, при этом договорные отношения между сформулировавшим оговорку государством и возражающим против нее государством сохраняются, а сформулировавшее оговорку государство не извлекает пользу из своей оговорки. Страны Северной Европы и все большее число других стран последовательно возражали против не имеющих действительной силы оговорок к договорам по вопросам прав человека. В ходе исследования, проведенного министерством иностранных дел Финляндии в 1998 году, было выявлено 33 таких возражения; по данным министерства иностранных дел Дании, к настоящему времени эта цифра выросла до 64. Поэтому исключение таких возражений из определения возражений означало бы игнорирование важной части существующей практики государств и практики Европейского суда по правам человека.

27. Что касается конкретного вопроса, поднятого Комиссией и касающегося дела «Мер д'Ируаз», то страны Северной Европы считают, что намерение государства, совершившего односторонний акт в отношении договора, будь то оговорка, возражение или просто безусловное заявление о толковании, разумеется, является существенно важным элементом по отношению к предполагаемому и фактическому воздействию соответствующего акта. Однако необходимость подробно оценивать такие возможные последствия, с тем чтобы сформулировать действительное определение того, что должно составлять возражение, отсутствует. Вопрос о предполагаемых последствиях можно рассмотреть отдельно. Поэтому страны Северной Европы могли бы согласиться с определением, которое предлагается в пункте 363 доклада Комиссии и охватывало бы ситуации, когда возражающие государства указывают,

что та или иная конкретная оговорка является ничтожной и не имеет юридической силы.

28. Страны Северной Европы разделяют мнение Специального докладчика о том, что государства и организации следует поощрять излагать их мотивы для возражений против оговорок, формулируемых другими государствами и организациями, и приветствовали бы разработку соответствующего проекта руководящего положения. Возражения должны быть конкретными и транспарентными, особенно когда речь идет о недопустимой оговорке, которая не совместима с объектом и целью договора. В действительности, возражающее государство следует поощрять указывать не только их мотивы, но и желаемые последствия их возражений в тексте самих возражений.

29. Что касается вопроса об изменении оговорок в целях расширения сферы их действия, то страны Северной Европы считают, что, хотя такая ситуация возникает довольно редко, изменения следует рассматривать так же, как и сформулированные впоследствии оговорки. Проект руководящего положения 2.3.5 в его нынешнем виде отвечал бы этой цели при условии адаптации проекта руководящего положения 2.3.3.

30. **Г-н Брагуглия** (Италия) говорит, что делегация его страны, высоко оценивая качество проведенных исследований, посвященных оговоркам к договорам, разделяет озабоченность других делегаций относительно временных сроков, которые Комиссия установила для рассмотрения тех вопросов, которые с практической точки зрения являются наиболее важными. Как представляется, она не начнет рассматривать даже на ее следующей сессии вопрос о возражениях против оговорок, которые не совместимы с объектом и целью договора.

31. Определение возражений против оговорок, если оно необходимо вообще, должно охватывать любую негативную реакцию государства на оговорки как в отношении содержания, так и в связи с тем фактом, что они были сформулированы впоследствии. В то же время последствия возражений должны быть такими же, что и последствия, которые определены в Венской конвенции о праве международных договоров. Несмотря на то, что это одна из наименее удовлетворительных частей Конвенции, Комиссии следует с учетом ее мандата воздерживаться от внесения каких-либо изменений в венский режим.

32. Требование о необходимости указания мотивов для возражений было бы полезным, поскольку оно помогало бы формулирующему оговорку государству лучше понять намерения возражающего государства. Однако на практике такие нормы редко дают значимые результаты.

33. Как представляется, проект руководящего положения о расширении сферы действия оговорки согласуется с проектом руководящего положения, уже принятого Комиссией, в соответствии с которым, согласно практике некоторых депозитариев, государство может впоследствии формулировать оговорку, если никакое другое государство не возражает относительно запоздалости ее формулирования. Было бы логичным установить аналогичную норму относительно изменений оговорок с целью расширения сферы их действия.

34. **Г-н Абраам** (Франция), затронув тему «односторонних актов государств», выражает сомнения относительно принятого Специальным докладчиком подхода: обилие проводимых исследований может привести к задержке в принятии проектов статей, в которых сформулированы общие принципы, касающиеся этой темы. Поэтому, как было рекомендовано Рабочей группой, Специальному докладчику надлежит представить как можно более полное изложение практики государств в отношении односторонних актов. Поскольку эта задача потребует больших усилий, весьма полезными станут кадры, имеющиеся в Секретариате. Его делегация одобряет также рекомендацию Рабочей группы, касающуюся определения одностороннего акта, а именно рекомендацию о том, чтобы таким актом считалось заявление, которое выражает волю или согласие, посредством которого государство стремится создать обязательство или другие правовые последствия по международному праву. Такая терминология недвусмысленно подчеркивает важнейшее свойство определения, каковым является намерение государства, а также косвенно указывает на то, что односторонний акт может иметь правовые последствия помимо создания обязательств, как-то, например, сохранение или даже приобретение прав. Определение должно также обозначить важность автономии в плане определения, был ли данный акт исключительно односторонним. Чтобы быть квалифицированным в качестве такового, акт должен

производить правовые последствия независимо от какого бы то ни было проявления воли другого субъекта международного права.

35. Он не поддерживает вторую рекомендацию Рабочей группы, согласно которой следует распространить исследование на поведение государств, которое может создавать обязательства, «сходные с последствиями односторонних актов»: хотя, возможно, не существует практической разницы между актами и поведением, имеющим аналогичные правовые последствия, рассмотрение обеих категорий существенно замедлит и без того медленный ход работы по теме, начатой в 1997 году. Рабочая группа предложила также, что исследование поведения может привести к принятию руководящих принципов, тогда как односторонние акты будут рассматриваться более традиционным способом в рамках проектов статей, сопровождаемых комментариями. Поскольку правовые последствия аналогичны, необходимость в таких различных подходах представляется неясной. Поэтому Комиссии надлежит ограничить свою работу рассмотрением односторонних актов в строгом смысле слова. Однако нет причин, по которым ей не следует обсуждать в комментариях поведение, имеющее юридические последствия, аналогичные последствиям односторонних актов.

36. Выразив удовлетворение работой Специального докладчика и Комиссии по формулированию 11 новых руководящих положений по оговоркам к договорам, он одобрил выраженное рядом членов Комиссии мнение о том, что условные заявления о толковании являются не более чем особой категорией оговорок. Если сложно, как отметил Специальный докладчик, определить, имеет ли модификация условного заявления воздействие ограничения или расширения сферы его применения, то эту модификацию обычно нельзя вводить в действие после того, как государство выразило свое согласие на обязательность договора. Поэтому проблема, которую представляет собой модификация условного заявления, идентична проблеме, которую представляет собой позднее формулирование оговорки, как четко указано в проекте руководящего положения 2.4.10. Специальный докладчик принял правильный подход, решив продолжать рассмотрение условных заявлений и оговорок в отдельности до тех пор, пока не будет решен вопрос об их законности и соответствующих последствиях: в этом отношении между ними могут обнаружиться некоторые различия. Однако даже если это будет так, это не служит обоснованием сохранения различных руководящих положений, когда режим условных заявлений, с правовой точки зрения, идентичен режиму оговорок.

37. Что касается расширения сферы действия оговорки, то представляется, что такая возможность выходит за рамки временного предела, установленного для формулирования оговорки, согласно статье 19 Венских конвенций. Вместе с тем он не разделяет выраженного некоторыми членами Комиссии мнения о том, что расширение сферы действий оговорки неизбежно представляет собой злоупотребление правами, которое нельзя разрешать, в отличие от позднего формулирования оговорки, которое может производиться добросовестно. В проекте руководства по практике следует упомянуть возможность расширения, прояснив в то же время свойственную ему правовую неопределенность. Следует упомянуть о том обстоятельстве, что попытки расширения сферы действий оговорки, хотя и являются, к счастью, необычными, существуют в договорной практике. Как указал Специальный докладчик, речь в меньшей степени идет о злоупотреблении правами, нежели о желании принять во внимание технические ограничения или конкретные аспекты международного права. Это, конечно же, не означает, что такое расширение является законным. Более того, возможность расширения сферы действия оговорки, согласно предложению Специального докладчика, будет ограничиваться весьма строгими условиями: как указывается в проекте Руководящего положения 2.3.5, такое расширение будет обусловлено «правами, применимыми к позднему формулированию оговорки». Другими словами, чтобы воспрепятствовать расширению сферы действия оговорки, достаточно одного-единственного возражения участника договора. Таким образом, в проекте руководящего указания достигнута должная сбалансированность: практика не поощряется, но разрешается при определенных условиях, с тем чтобы обеспечить государству, действующему добросовестно, альтернативу денонсации соответствующего договора. Вместе с тем проект руководящего положения можно усовершенствовать. Например, он должен содержать определение расширения и конкретно указывать последствия какого-либо возражения против него.

38. В Венских конвенциях 1969 и 1986 годов не содержится определения возражений к оговоркам. Тем не менее основные элементы такого определения можно вывести из статей 20 и 21 этих конвенций, и определение, предложенное Специальным докладчиком в проекте руководящего положения 2.6.1, полностью соответствует этим положениям. Однако, поскольку против этого определения были высказаны некоторые возражения, Комиссия запросила замечания государств. В ходе обсуждения некоторые члены Комиссии высказали мнение о том, что сторона, возражающая против оговорки, может иметь намерение, помимо блокирования последствий, к которым предназначена привести эта оговорка. Поэтому они считают, что определение необходимо расширить с целью принять во внимание такие случаи.

39. Возражения представляют собой реакцию на оговорку, цель которой состоит в том, чтобы предотвратить наступление последствий оговорки. Поэтому намерение стороны, реагирующей на оговорку, является определяющим фактором правовой характеристики этой реакции, как было подчеркнуто в решении арбитража по делу об Ируазском море.

40. Оценка намерения возражающего государства происходит в конкретных рамках. Например, реакция стороны, стремящейся модифицировать содержание оговорки, не может классифицироваться в качестве возражения. Возражение должно характеризоваться декларацией намерения государства добиться одного из объективных последствий, предусмотренных в Венских конвенциях: оно должно либо стремиться обеспечить неприменимость указанного им положения, либо предотвратить вступление в силу договора между соответствующими сторонами. В этом ракурсе полезно знать намерения возражающего государства.

41. Делегация его страны считает, что узкое определение возражений против оговорок имеет несколько преимуществ. Оно отвечает цели Руководства по практике, которое призвано дополнить положения Венских конвенций, не изменяя их духа. В сущности строгое определение возражений оставляет больше места для того, что Специальный докладчик назвал «диалогом по оговоркам»; другими словами — для обсуждений между автором оговорки и его партнерами, призванных побудить первого снять оговорку.

42. **Г-н Цзя** Гуйдэ (Китай), ссылаясь на тему «Международная ответственность за вредные последствий действий, не запрещенных международным правом», говорит, что его делегация поддерживает проведение Комиссией исследования о распределении ущерба и считает, что в кратчайшие сроки необходимо разработать единообразную схему. В докладе Специального докладчика скрыты некоторые общие особенности существующих режимов ответственности в отношении распределения ущерба от трансграничного вреда. Таким образом, налицо условия для проведения глубокого исследования по этой теме, включая изучение национальных законодательств и внутренней и международной практики. Предлагаемый режим должен обеспечить механизм принципов распределения ущерба между участниками высокоопасной деятельности, однако он должен быть относительно гибким, с тем чтобы страны имели достаточно возможностей для урегулирования своих споров. Его делегация одобряет предложения, сформулированные в докладе Специального докладчика, и считает, что они должны быть расширены и скорректированы Комиссией на основе дальнейшего изучения соответствующей практики.

43. Дополнительная ответственность государства должна состоять, главным образом, в принятии превентивных мер и создании фондов для справедливого распределения ущерба, а не в признании остаточной ответственности, когда сторона, ответственная за ущерб, не имеет финансовых возможностей выплатить компенсацию. Необходимо обеспечить гибкость в вопросе обязательного страхования высокоопасных видов деятельности, поскольку разнообразие национальных правовых систем и экономических условий не позволяет обеспечить применение строгого правила. Кроме того, поскольку Комиссия пришла к согласию об остаточном характере предлагаемого режима распределения ущерба, это не должно подрывать существующую национальную практику в плане материальной ответственности. Главная ответственность должна ложиться на лицо, которое непосредственно управляло опасной деятельностью и контролировало ее. За неимением клаузулы снятия ответственности необходима презумпция разумной причинной связи между действиями этой стороны и причиненным ущербом.

44. Что касается оговорок к договорам, то его делегация согласна с тем, что расширение сферы дей-

ствия оговорки должно рассматриваться таким же образом, как и позднее формулирование оговорки, ибо оно эквивалентно новой оговорке более крупного масштаба. Положения, содержащиеся в проекте руководящих положений, должны применяться: другими словами, государство-участник может прибегнуть к позднему формулированию оговорки или расширению сферы ее действия при том условии, что другие государства-участники не изъявляют возражений. Это, очевидно, противоречит соответствующим положениям Венских конвенций о праве договоров, которые разрешают государству формулировать свои оговорки только «при подписании, ратификации, акте официального подтверждения, принятии или утверждении договора или присоединении к нему». Однако свобода присоединения к договору является основополагающим принципом права договоров. Поскольку любое расширение сферы действия оговорок может стать действительным лишь в случае признания другими сторонами, это положение не будет приводить к поощрению таких расширений.

45. Что касается возражений против оговорок, то их может быть два вида: государство-участник может заявлять, что оговорка недопустима, сославшись на статью 19 Венской конвенции о праве договоров, или же оно может счесть оговорку допустимой, однако вместе с тем сформулировать возражение на другом основании. На практике государство-участник обычно не указывает оснований для своих возражений. Такие общие возражения против оговорок должны, таким образом, регулироваться положениями Венской конвенции; другими словами, весь договор или положения, к которым относится оговорка, не будут применяться в отношениях между государством, выражающим оговорку, и возражающим государством. Однако, когда государство изъявляет возражение против оговорки согласно статье 19, это может приводить к одностороннему решению о том, что оговорка недопустима. В случае возникновения спора о допустимости оговорки правовые последствия возражений против оговорок согласно статье 21 Венской конвенции не применяются незамедлительно. Сначала государства должны попытаться урегулировать свой спор; однако если спор не поддается решению или если одна из сторон просто игнорирует его, любые возражения против оговорок должны по-прежнему регулироваться вышеупомянутыми положениями. Одностороннее утверждение возражающего государства о том, что весь договор должен вступить в силу в отношениях с государством, выражающим оговорку, основывающееся на мнении возражающего государства о том, что эта оговорка недопустима, не будет иметь юридической силы и не будет признаваться на практике. Кроме того, молчание государства, выразившего оговорку, не должно истолковываться в качестве признания возражений. Поэтому определение возражений должно четко предусматривать, что возражения против оговорок могут приводить лишь к тем правовым последствиям, которые прямо или косвенно определены в Венской конвенции.

46. Наконец, в отношении темы «Односторонние акты государств» делегация его страны считает приемлемой сферу охвата темы, определенную Комиссией. Она надеется, что проекты статей или руководящих положений могут быть подготовлены в кратчайший срок, с тем чтобы прояснить правовые последствия таких актов, ибо это существенным образом будет способствовать усилиям по регулированию международной практики и сокращению числа международных споров.

47. **Г-н Вада** (Япония), ссылаясь на тему «Оговорки к договорам», говорит, что Специальный докладчик выразил намерение изложить в своем следующем докладе руководящее положение о «Диалоге по оговоркам». Условия такого диалога не следует предопределять, ибо существует много способов, посредством которых государства могут разъяснить свои намерения в отношении оговорки или возражения.

48. Япония, в сущности, поддерживает мнение, выраженное многими членами Комиссии и проработанное арбитражем по делу об Ируазском море, о том, что основой определения характера и последствий возражений против оговорки должно служить намерение государства, изъявляющего такое возражение.

49. В определенной степени представляется обоснованным мнение о том, что Венская конвенция о праве договоров не предоставляет достаточных оснований для принятия решения относительно того, следует ли рассматривать заявление, сделанное страной, в качестве возражения. Тем не менее из пункта 4 статьи 20 и пункта 3 статьи 21 можно вывести ряд руководящих указаний, которые помогут странам определить правовые последствия оговор-

ки и, соответственно, применение договорных обязательств между соответствующими странами. Чтобы в полной мере установить характер заявления, сделанного государством в ответ на оговорку другого государства, крайне важно учитывать намерение первого. Этот подход позволит определить, намеревается ли государство не применять часть договора, к которой относится оговорка, намеревается ли оно блокировать применение всего договора в отношении государства, формулирующего оговорку, или оно просто высказывает замечание в отношении оговорки, не влекущее за собой никаких правовых последствий. Важно также избегать принятия решения лишь на основе самого факта присутствия терминов «возражение» или «возражать» в заявлении. Заявления могут быть самыми различными по своей форме, и устанавливать стандартный формат не представляется ни уместным, ни необходимым. Разработка статьи, которая будет исключать некоторые заявления из категории возражений на том основании, что они не отвечают определенным формальным критериям, потребует тщательного обсуждения.

50. В нынешнем виде проект руководящего положения 2.6.1 дает надлежащее описание возражения. У идеи ограничения сферы действия возражения за счет прямых цитат из соответствующих статей Венской конвенции есть свои критики, однако проект статьи, предложенный в пункте 363 доклада Комиссии, может заложить основу для будущего обсуждения. Тем не менее новый проект статьи мог бы устранить возможность неприменения всех статей договора между сторонами, которая допускается в пункте 3 статьи 21 Венской конвенции.

51. Наконец, важно иметь в виду фактическую практику государств в формулировании оговорок, а также те способы, посредством которых государства рассматривают оговорки и изъявляют против них возражения. Каждому отдельному государству становится все более сложно отслеживать и учитывать все оговорки, выражаемые другими государствами, ибо число договоров существенно возросло в последние годы. Соответственно, государствам, имеющим общие интересы, полезно делиться информацией об оговорках, выражаемых другими государствами. Например, проводимая Советом Европы работа по контролю за оговорками, выражаемая как членами, так и нечленами Совета, является эффективной и полезной.

52. **Г-н Ауреску** (Румыния), затронув тему «Ответственность международных организаций», говорит, что его делегация приветствует определение термина «международная организация» в качестве такой организации, которая обладает «международной правосубъектностью», что позволяет избежать вопроса об ответственности неправительственных организаций, ибо последние пока не считаются субъектами международного права.

53. Его делегация считает, что общая норма присвоения поведения международным организациям должна содержать ссылку на «правила организации»; последние нельзя четко отграничивать от международного права, и они могут предоставить важную информацию относительно обязательств международных организаций, а также касательно компетенции различных органов организации. В дополнение к концепции международной правосубъектности Специальный докладчик должен также учесть концепцию «международной правоспособности», особенно в отношении присвоения поведения. Правила международных организаций, вероятно, будут определять четкие границы международной правосубъектности каждой организации; другими словами — диапазон прав и обязанностей, возложенных на организацию ее государствами-членами. Комиссии надлежит также сопоставить ситуацию организации, действующей intra vires и ultra vires, с возможностью возложения ответственности на государство-член за международно противоправное деяние организации. Определение «правил организации», содержащееся в пункте 1(j) статьи 2 Венской конвенции 1986 года о праве договоров, представляется уместным.

54. Что касается степени, в которой поведение миротворческих сил может быть присвоено государству, предоставляющему воинские контингенты, и Организации Объединенных Наций, соответственно, то ответ может быть найден в соглашениях о статусе сил, соглашениях о статусе миссий и соглашениях со страной пребывания. Руководящие указания могут быть также запрошены у Секретариата Организации Объединенных Наций.

55. Что касается главы XI доклада, то его делегация в полной мере одобряет мнение о том, что новые положения об ограничениях численности страниц докладов вспомогательных органов Организации Объединенных Наций не должны применяться к докладам Комиссии.

56. Что касается темы «дипломатической защиты», то его делегация приветствует принятый Комиссией подход, в соответствии с которым статья 17 была основана на решении Международного Суда по делу о компании «Барселона трекшн» в отношении права на дипломатическую защиту в случае причинения вреда той или иной корпорации.

57. Его делегация считает, что функциональная защита является формой защиты, регулируемой специальным режимом. Международные организации обязаны в силу договорной связи со своими должностными лицами предоставлять последним функциональную защиту, тогда как осуществление дипломатической защиты является прерогативой государства и основывается на принципе гражданства. Поскольку Комиссия согласилась исключить защиту дипломатических и консульских должностных лиц из сферы охвата темы, эту же логику можно применить к должностным лицам международных организаций.

58. Дипломатическая защита экипажа судна регулируется нормами lex speciali, и ее правовой режим отличается от режима дипломатической защиты. Тем не менее этот режим не исключает осуществления государством дипломатической защиты члена экипажа или пассажира, являющегося его гражданином. Соответственно, нет необходимости расширять сферу действия проекта статей с целью охватить подобные случаи.

59. Что касается темы «Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом», то многообразие подходов, зафиксированных в существующих договорах, особенно осложняет задачу Специального докладчика. Однако Комиссия может внести ценный вклад в области распределения ущерба. В дополнение к превентивным мерам, которые надлежит обязать принимать оператора, процедурным и существенным требованиям, которые государство должно предъявлять оператору в отношении страхования и уведомления, государство должно также сделать страхование обязательным. Основанием для перераспределения ущерба оператору может быть применение принципа «платит загрязнитель», ограниченного издержками, фактически понесенными в целях предотвращения, или мерами по реагированию и восстановлению и его платежеспособностью. Материальная ответственность государств должна быть последним средством, и можно также рассмотреть систему коллективной солидарности соответствующих государств. Наконец, в отношении окончательной формы документа его делегация выступает за подход, предусматривающий «мягкие правовые нормы».

60. Что касается темы «односторонние акты государств», то его делегация надеется, что возникшие до настоящего времени сложности в деле разработки общих принципов, которым надлежит следовать государствам, будут устранены по завершении исследования о практике государств. Это исследование позволит Специальному докладчику в каждом отдельном случае проверять факт и обстоятельства применения нормы, согласно которой односторонние акты ведут к правовым последствиям. Оно будет также способствовать оценке исключений и условий применения принципа acta sunt servanda. Важно выявить комплекс принципов, применимых к односторонним актам, ибо они представляют собой источник правовых норм. Поэтому основное внимание в рамках анализа должно быть сосредоточено на том, каким образом применяется принцип acta sunt servanda.

61. Таким образом, расширение сферы охвата исследования и включение в нее поведения государств, которое может приводить к правовым последствиям, аналогичным последствиям односторонних актов, может повлечь за собой возникновение новых сложностей, ибо это будет затрагивать институты международного права и темы, которые надлежит рассматривать отдельно, как-то гуманитарное вмешательство и контрмеры. Однако среди типов поведения государств, не считающихся односторонними актами в строгом смысле этого слова, меры, принимаемые за пределами юрисдикции государства, могут представлять интерес и не будут обусловливать расширения сферы анализа.

62. Переходя к теме «Оговорки к договорам», оратор говорит, что его делегация приветствует принятие проектов руководящих положений 2.5.1–2.5.11. Он согласен со Специальным докладчиком в том, что расширение сферы действия оговорки должно рассматриваться в качестве позднего формулирования таковой и что ограничения, принятые в руководящих положениях 2.3.1–2.3.3, должны поэтому применяться и к случаям оценки сферы действия оговорок.

63. Что касается определения возражений, то он выступает за формулировку, основывающуюся на двух элементах: намерение, которое является ключевым элементом возражения, и ссылка на последствия, которые влечет за собой возражение, без их подробного описания. Новая формулировка проекта статьи 2.6.1 отражает улучшение; определение возражений должно включать не все виды односторонних ответов на договоры, а лишь те из них, которые применяются с целью не допустить, чтобы оговорка имела некоторые или все свои последствия.

64. В принципе государства следует поощрять к изъявлению оснований для их возражений, особенно в случаях оговорок, подчиняющих применение положений многостороннего договора внутреннему праву, в надежде на то, что другие государства сформулируют аналогичные возражения, которые могут побудить государство, выражающее оговорку, снять ее.

65. **Г-н Яковидис** (Кипр) говорит, что цель нынешних прений состоит в том, чтобы позволить делегациям представить конкретные замечания по докладу Комиссии, рекомендации по вопросам правовой политики и политического руководства по мере необходимости; в целом, Комиссии надлежит рассматривать вопросы конкретизации или редактирования. Позициям правительств, выражаемым в ходе прений, следует придавать не меньшее значение, чем письменным ответам на вопросники Комитета, ибо малые государства обладают лишь ограниченными возможностями представлять документы по широкому кругу тем.

66. Касаясь темы «Ответственность международных организаций», оратор присоединяется к заявлению, сделанному представителем Италии от имени Европейского союза, отмечая вместе с тем замечания делегаций Соединенного Королевства и Израиля относительно норм ответственности за миротворческие операции.

67. Что касается дипломатической защиты, то оратор с интересом отмечает обсуждение все более важной роли, которая отводится международным трибуналам в двусторонних инвестиционных соглашениях, а также Международному центру по урегулированию инвестиционных споров Всемирного банка; специальный режим иностранных инвестиций обеспечивает права непосредственно иностранным вкладчикам, тогда как обычное международное право предусматривает защиту исключительно по усмотрению государства гражданства. Он отмечает также ссылки на роль эстоппеля в этом контексте и нормы, регулирующие исчерпание местных средств защиты (дело «Интерхандель»). В ответ на вопрос, затронутый в пункте 29 доклада, он выражает мнение о том, что тема адекватно рассматривается в проекте статей, утвержденных в принципе Комиссией или предусмотренных Специальным докладчиком; новые вопросы включать не следует.

68. Тема «Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (международная ответственность в случае ущерба от трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности)» требует дальнейшей работы. Из дела о канале Корфу со всей очевидностью вытекает, что государства отвечают за обеспечение контроля за источниками ущерба на их территории; однако строгая материальная ответственность не встречает широкого признания или понимания в качестве желательной политики в контексте трансграничного вреда, и к ней следует подходить с осторожностью. Делегация его страны занимает гибкую позицию в отношении окончательной формы работы по теме при том условии, что в любую принятую в результате этой работы конвенцию будут включены клаузулы об урегулировании споров между государствами.

69. Он разделяет мнение о том, что односторонние акты государств представляют собой укоренившийся институт международного права, который при соблюдении ряда условий действительности может представлять собой источник обязательств. Он согласен с Рабочей группой в том, что такие акты являются заявлениями, выражающими волю или согласие, посредством которого государство стремится создать обязательства или иные правовые последствия по международному праву; Комиссии надлежит продолжать рассмотрение односторонних актов в строгом смысле этого слова, а правительства должны представить информацию об их практике в этой области. Важно не допустить чрезмерного расширения этой темы, которая оказалась достаточно сложной и в рамках ее нынешнего определения.

70. Он приветствует обмен мнениями между Комиссией и органами по контролю за соблюдением

договоров о правах человека в вопросе об оговорках к договорам и с нетерпением ожидает завершения проекта в течение нынешнего пятилетия за счет принятия руководства по практике, которое будет основываться на соответствующих статьях Венских конвенций. В частности, проект руководящего положения 2.6.1 заполняет пробел в этих конвенциях, хотя некоторые делегации подвергли предлагаемое определение критике в качестве слишком узкого.

71. Он приветствует осторожный и методичный подход, принятый в первом докладе Специального докладчика по общим природным ресурсам (A/CN.4/533 и Add.1). Необходимо провести дальнейшее исследование технических и правовых аспектов замкнутых трансграничных грунтовых вод, ибо гидрогеология представляет собой сферу науки, возникшую недавно; следует принимать во внимание также ее взаимоотношения с другими темами (как-то с Конвенцией о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года и резолюцией 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи о постоянном суверенитете над природными ресурсами) и даже с понятием трансграничного ущерба. Он надеется, что специальный докладчик будет действовать мудро и сформулирует принципы и режимы сотрудничества, включая механизм урегулирования споров.

72. Тема «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права» представляет особый интерес для его делегации. Рост масштабов фрагментации является естественным следствием расширения сферы международного права и служит признаком жизнеспособности, а не наоборот, как опасаются некоторые. Он одобряет подход, принятый Исследовательской группой по этому вопросу; на нынешнем этапе работы Комиссии не следует рассматривать проблему распространения институтов или выступать в качестве арбитра в отношениях между институтами. В дополнение к примерам существенных аспектов фрагментации, упомянутым в пункте 419 доклада Комиссии, он обращает внимание на дело «Лоизиду против Турции» 1998 года, в рамках которого решался вопрос о территориальных оговорках в декларациях об обязательной юрисдикции. Комитету следует продолжать оказывать поддержку предпочтительному варианту исследования норм и механизмов, касающихся конфликтов, надлежащую основу которого обеспечивает Венская конвенция 1969 года о праве договоров.

73. Открывается весьма широкий диапазон продуктивной работы по теме «Иерархия в международном праве: jus cogens, obligations erga omnes и статья 103 Устава Организации Объединенных Наций как коллидирующие нормы». Концепция императивных норм международного права (jus cogens), от которых государства не могут отклоняться на основе соглашений, в отличие от норм, которые стороны могут свободно регулировать такими соглашениями (jus dispositivum), как предписано в Венской конвенции 1969 года, нуждается в авторитетной проработке. На страницах 16–26 и 105–119 документа A/CN.4/454, где приводятся общие планы, подготовленные членами Комиссии по отдельным темам международного права в 1993 году, приводится достаточно большой объем соответствующих материалов для такого исследования, которое удовлетворило бы насущную потребность в разъяснении и оформлении этой темы. Нынешняя ситуация не благоприятствует объективности, транспарентности и предсказуемости, которые должны характеризовать правовой принцип, особенно такой, который был торжественно признан в Венской конвенции и в других документах и которому Комиссия придала большое значение в рамках принятых ею недавно статей об ответственности государств и в контексте темы ответственности за защиту.

74. Он с нетерпением ожидает результатов усилий Рабочей группы в отношении долгосрочной программы Комиссии, особенно в свете прогрессивных взглядов на jus cogens, которых придерживается ее председатель г-н Пеллет. Включение двух дополнительных глав (II и III) в доклад Комиссии способствовало целенаправленности прений, и оратор одобряет позицию Комиссии по вопросам документации и изъявления благодарности. Ежегодный семинар по международному праву доказал свою ценность с течением лет; он приветствует также проведенный Комиссией обмен информацией с органами, упомянутыми в пунктах 449–455 доклада. Проводимые в настоящее время в Нью-Йорке обмены информацией между Председателем и членами Международного Суда, советниками министерств иностранных дел по правовым вопросам и Комитетом служат достижению той же цели в других рамках и являются средством содействия реализации общей задачи укрепления роли международного права и его

кодификации и прогрессивного развития в современном мире.

Заседание прерывается в 17 ч. 10 м. и возобновляется в 17 ч. 20 м.

75. **Г-н Тронкосо** (Чили) говорит, что легкость, с которой формулируются односторонние акты государств, и их функция как источника международных обязательств придают им свойство важного аспекта правовых отношений между государствами. Хотя информация о практике государств была бы полезной, многие правительства находят невозможным ответить на вопросник Комиссии, поскольку у них нет систематических процедур в этой области.

76. Он одобряет проведенные Специальным докладчиком разграничения между институтом признания и односторонним актом признания; метод, которым воспользовался Специальный докладчик, может быть использован для определения содержания каждого одностороннего акта и может быть применен к таким актам, как отказ, обещание и протест, в целях установления конкретных правил для каждого из них. Однако достаточно будет общего исследования всех односторонних актов в строгом смысле этого слова, ибо, за исключением редких случаев, любые установленные принципы будут также применяться и к отказу, обещанию и протесту. Основания для объявления акта признания недействительным также должны применяться ко всем этим категориям односторонних актов.

77. Комиссия просила правительства выразить замечания относительно поведения государств, которое в определенных обстоятельствах может приводить к правовым последствиям по международному праву, аналогичным последствиям односторонних актов в строгом смысле этого слова. По мнению оратора, такое поведение может включать заявления о присоединении государства к договору, который был ранее заключен между другими государствами, и признание государством обязательной юрисдикции какого-либо международного трибунала; хотя оба эти примера представляют собой односторонние акты с правовыми последствиями для совершающего их государства, они подпадают под конкретный консенсуальный, конвенционный режим — право договоров — и поэтому не могут быть квалифицированы в качестве односторонних актов в строгом смысле этого слова. Наконец, он предлагает, чтобы в дополнение к рассмотрению других категорий односторонних актов на предмет установления их конкретного содержания Специальный докладчик подготовил новые проекты статей по общим характеристикам, присущим всем односторонним актам в строгом смысле слова.

78. Переходя к теме «оговорки к договорам» оратор говорит, что разница между расширением сферы действия оговорки и поздним формулированием оговорки не велика. Оба случая должны рассматриваться в качестве исключительных и, таким образом, подпадать под существенные ограничения, хотя следует иметь в виду, что нет достаточных правовых оснований для их запрещения. Поскольку и та и другая практика могут оказывать воздействие на стабильность и безопасность договорных режимов, в Венских конвенциях 1969 и 1986 годов весьма конкретно определяется момент, когда они могут формулироваться; эти нормы должны остаться, в сущности, неизменными.

79. Однако существуют ситуации, в которых государство или международная организация считают непреложным переформулировать выраженную ими ранее оговорку; если они не могут сделать этого по той причине, что срок для переформулирования истек, они могут быть вынуждены денонсировать договор или выйти из него. Например, государству может потребоваться расширить сферу действия оговорки, поскольку поправки к его конституции не совместимы с каким-либо положением конвенции, стороной в которой оно является. В такой ситуации речь не может идти о «недобросовестности» со стороны формулирующего государства. Принятие этой процедуры будет способствовать тому, чтобы к договорам присоединялось как можно больше государств, чтобы государства не денонсировали договоры, к которым они уже присоединились, и позволит избежать ситуации, когда автор оговорки денонсирует договор, а затем вновь ратифицирует его с «расширенной оговоркой» — практика, которая не является вполне приемлемой, но которую невозможно предотвратить. Кроме того, если государства могут модифицировать договор на основе взаимного согласия, то из этого вытекает, что они могут также согласиться на формулирование расширенных оговорок. Если выбор состоит между запрещением и ограничением этой практики, то Чили предпочла бы второй вариант.

80. Совершенно очевидно, что расширенные оговорки должны регулироваться не только конкрет-

ными правилами, сформулированными в самом договоре, но и критериями единодушного признания. Такое требование является более чем адекватной гарантией того, что этой условностью не будут пользоваться недобросовестно и не будут злоупотреблять. Кроме того, очевидно, что формулирование расширенных оговорок должно подпадать под действие правил, изложенных в Венских конвенциях 1969 и 1986 годов относительно признания обычных оговорок и формулирования возражений к ним. Расширенная оговорка может оказаться запрещенной или не совместимой с объектом и целью договора. То обстоятельство, что оговорки подобного рода не допускаются в рамках какой-либо данной региональной структуры, не может служить основанием для полного отказа от них.

81. Что касается аннулирования или модификации заявлений о толковании, то простое заявление о толковании в отличие от обычной оговорки может формулироваться в любое время. Аналогичным образом, оно может аннулироваться в любое время без каких-либо дальнейших формальностей. Если такова ситуация с оговорками, то она представляется приемлемой в случае с заявлениями о толковании ввиду их характера и последствий.

82. Его делегация разделяет мнение о том, что условные заявления о толковании должны подпадать под те же нормы, что и оговорки, применительно к тому, когда они могут формулироваться, а именно когда государства или международные организации выражают свое согласие на обязательность для них какого-либо договора.

83. Модификация простого заявления о толковании должна быть возможной в любое время. Нет необходимости вести речь о расширенной модификации заявлений о толковании в силу характера таких заявлений — другими словами, в силу того обстоятельства, что они не ставят целью модифицировать или аннулировать правовые последствия каких-либо положений договора, а совместимы с рамками и значением согласованных норм. Соответственно, его делегация не согласна с тем, чтобы применительно к заявлениям о толковании включать критерий «расширения», который, однако, необходим в случае оговорок. В этой связи налицо четкое различие между заявлениями о толковании и оговорками, которое разъясняет присущие им различные режимы.

84. Заслуживает рассмотрения необходимость четкого указания оснований для возражений против оговорок — понятие, которое, по всей видимости, встретило поддержку у ряда членов Комиссии и по которому Специальный докладчик составит руководящие положения. Такая практика может, однако, привести к запутанным обсуждениям относительно качества аргументов, на которых основывается возражение. Предоставление государству, формулирующему оговорку, возможности отвергать основания для возражения против нее не представляется ни уместным, ни надлежащим. Поэтому нужно принять такой подход, в рамках которого следует рекомендовать, чтобы основания для возражения четко декларировались, но не подлежали оценке государством, формулирующим оговорку.

85. **Г-н Курия** (Аргентина) говорит, что дипломатическая защита представляет собой имеющееся в распоряжении государств удобное средство защиты своих граждан за границей. Его делегация согласна с другими делегациями в том, что важно не отходить от норм, установленных Международным Судом при рассмотрении дела о «Барселона трэкшн». В рамках этого дела Суд конкретно признал право государства гражданства акционеров осуществлять дипломатическую защиту только в том случае, если бы их правам был нанесен ущерб или компания прекратила бы существование в своем месте регистрации. Как подчеркнул Суд в пункте 36 своего решения, правила дипломатической защиты применяются остаточным образом в отсутствие соглашения между сторонами. На основе разграничения, проведенного Судом между правами и интересами, сам факт того, что как компании, так и акционерам нанесен ущерб, не означает, что оба они имеют право требовать репараций.

86. Его делегация разделяет мнение о том, что необходимо преследовать цель кодификации вторичных норм в области дипломатической защиты. Этот институт представляет собой не что иное, как особую инстанцию правовых норм о международной ответственности государств. Следует подчеркнуть, что речь идет о прерогативе соответствующего государства.

87. Переходя к главе VI доклада, оратор говорит, что, несомненно, поскольку государство связано обязательствами обеспечивать предотвращение, предусмотренными в проектах статей, невыполнение таких обязательств влечет за собой междуна-

родную ответственность со стороны этого государства. В таком случае применяются нормы, регулирующие материальную ответственность за международно-противоправные акты. Однако не менее важно прояснить другие аспекты материальной ответственности. Если значительный трансграничный вред происходит, несмотря на соблюдение всех обязательств государства по прекращению, то необходимо определить материальную ответственность государства происхождения за ущерб, причиненный на территории или в других районах, находящихся под юрисдикцией других государств.

88. Желательно также продолжить разработку общих норм, регулирующих материальную ответственность операторов за наносящие ущерб виды деятельности в государстве происхождения, если такая деятельность фактически приводит к существенному трансграничному вреду для лиц, имущества и окружающей среды в других государствах. В этой связи должное внимание следует уделить принципу «платит загрязнитель».

89. Что касается темы «Оговорки к договорам», и в частности вопроса о позднем формулировании оговорок, рассматриваемого в проекте руководящих положений 2.3.1–2.3.3, то его делегация придерживается мнения о том, что вполне уместно ограничить позднее формулирование. Формулировка ограничения отражает нынешнюю практику, особенно практику Генерального секретаря. То же самое применимо к расширению сферы оговорок, о котором идет речь в руководящем положении 2.3.5. Как указал арбитраж в деле об Ируазском море, не всякий ответ на оговорку неизбежно является возражением. Важнейшим элементом возражения является намерение.

90. Переходя к главе IX доклада, оратор говорит, что в свете информации, представленной в докладе, возможно потребуются более строгие стандарты использования и предотвращение загрязнения, чем те, которые применяются к поверхностным водам. Было также высказано соображение о том, что будет более уместно применять более строгие стандарты, нежели применяемые в рамках темы международной ответственности и концепции значительного ущерба. Его делегация подчеркивает сомнения, которые у нее по-прежнему имеются в отношении Конвенции 1997 года о праве несудоходных видов использования международных водотоков и относительно того, было ли обычное право в этой области должным образом кодифицировано. Такие концепции, как «замкнутые грунтовые воды» и «грунтовые воды, не связанные с поверхностными водами», отнюдь не пользуются бесспорным признанием.

91. Что касается информации, запрошенной у государств, то следует отметить, что Аргентина вместе с Бразилией, Парагваем и Уругваем располагает одним из самых крупных подземных водоносных пластов на планете — водоносной системой Гуарани. Этим грунтовым водам посвящен региональный проект экологической защиты и устойчивого и комплексного использования этой системы. В рамках проекта были созданы национальные группы с руководящими комитетами; он располагает секретариатом, находящимся в городе Монтевидео. Кроме того, Аргентина недавно утвердила закон, учреждающий экологическую систему водопользования, которая охватывает грунтовые воды.

92. **Г-н Винклер** (Австрия) ссылаясь на главу VIII доклада, выражает обеспокоенность по поводу растущего числа и сложности проектов руководящих положений. В Венской конвенции 1969 года о праве договоров содержится 80 статей, не считая заключительных клаузул. В настоящее время проект руководящих положений по оговоркам содержит 66 отдельных руководящих положений. Если Комиссия будет продолжать работу нынешними темпами, то число руководящих положений только по этому вопросу превысит число статей в Конвенции. Поэтому его делегация решительно призывает Комиссию упростить структуру нынешних руководящих положений, объединив их во всех возможных случаях.

93. Хотя проект руководящего положения 2.5.3, предписывающий государствам предпринимать периодические обзоры полезности оговорок, несомненно, будет способствовать действенности договоров, он выходит за рамки Конвенции 1969 года и налагает на государства новое обязательство. Совершенно очевидно, что существуют две различные категории руководящих положений, а именно те, которые преследуют цель разъяснения положений Венской конвенции, и новые обязательства в форме рекомендаций. Было бы полезно четко указывать, к какой категории принадлежит каждое руководящее положение.

94. Что касается проекта руководящего положения 2.5.8, то желательно было бы подробнее разъяснить фразу «или согласовано иным образом». Наиболее уместным толкованием представляется следующее: соглашение должно быть достигнуто между всеми договаривающимися сторонами, если только не признается, что выход будет вступать в силу в различное время применительно к различным сторонам.

95. Что касается проекта руководящих указаний 2.5.9(b), то следует уделить внимание тому обстоятельству, что, особенно в области договоров о правах человека, снятие оговорки с ретроактивным действием может также иметь последствия по уголовному праву. Если снимается оговорка по положению, запрещающему бесчеловечное обращение, то в результате этого такое обращение может стать преступлением, наказуемым по закону данного государства. Сомнительно, чтобы пункт (b) регулировал подобные ситуации, ибо он основан исключительно на классическом представлении о международном праве, как о праве, регулирующем взаимоотношения между государствами. Поэтому возникает вопрос о том, можно ли рассматривать снятие оговорки указанного рода в качестве расширения прав государства, снимающего оговорку.

96. В проекте руководящего положения 2.5.10 слова «достигает более полного применения положений договора» представляются излишними, особенно в свете проекта руководящего положения 2.5.11, где разъясняются последствия такого частичного снятия.

97. Наконец, в отношении вопроса, поставленного Комиссией применительно к проекту руководящего положения 2.3.5, его делегация не поддерживает право на расширение сферы действия существующих оговорок, как предложено в руководящем положении. Как и в случае с поздним формулированием оговорок, его делегация выступает против модификаций как таковых.

98. Переходя к главе VII доклада, оратор говорит, что, хотя тема признания обсуждалась ранее в качестве возможного пункта для включения в план работы Комиссии, она так и не была принята, будучи сопряжена со слишком многими политическим аспектами. Поэтому подход, принятый Специальным докладчиком, обуславливает существенные вопросы. Представляется сомнительным, чтобы Комиссии следовало рассматривать вопрос признания в контексте темы «односторонние акты государств», не запрашивая предварительного согласия Генеральной Ассамблеи.

99. Что касается рекомендаций, сформулированных Рабочей группой в пунктах 306 и 307 доклада, то его делегация считает, что будет полезно сосредоточить внимание на односторонних актах, как указано в рекомендации 1. Впоследствии следует принять решение о необходимости расширения сферы данной темы, как указано в рекомендациях 2 и 5. Его делегация настоятельно призывает Комиссию уделить должное внимание анализу соответствующей практики государств и ожидает, что доклад, предусмотренный в рекомендации 4, станет основой для будущей работы по этой теме. Рекомендация 6 должна включать вопрос о толковании, поскольку нельзя исключать, что правила толкования, применимые к односторонним актам, будут отличаться от правил, применимых к международным договорам. Наконец, его делегация согласна с намерением Специального докладчика не представлять правовых норм в его следующем докладе (рекомендация 7).

100. **Г-н Хениель** (Польша), ссылаясь на главу VII доклада, говорит, что работа по теме ведется пока медленно, поскольку были выражены сомнения относительно ее пригодности к кодификации. Были также затронуты вопросы о том, должна ли она охватывать исключительно односторонние акты в строгом смысле этого слова или же включать некоторые виды поведения государств, которые могут иметь правовые последствия.

101. Поскольку отсутствие информации о практике государств было одним из главных препятствий в ходе изучения этой темы, Комиссия вновь просила правительства представить информацию об общей практике, касающейся односторонних актов. Ответы правительств на эту просьбу вместе с рекомендациями Рабочей группы о масштабах темы и методе работы помогут Специальному докладчику и Комиссии наметить дальнейший ход работы.

102. Граница между односторонними актами, предназначенными для формулирования правовых обязательств государств, и теми, которые принимаются исключительно в политических целях, не всегда бывает четкой. Иногда государства желают сохранить эту двусмысленность, с тем чтобы не быть

юридически связанными своими односторонними заявлениями.

103. Что касается главы VIII доклада, то его делегация подтверждает свою уверенность в том, что руководство по практике будет иметь большое практическое значение для правительств и международных организаций, и вновь выражает надежду на то, что проект будет завершен в нынешнем пятилетии.

104. В то же время его делегация выражает обеспокоенность тем, что предлагаемые Специальным докладчиком проекты руководящих положений становятся все более и более многочисленными и подробными. Его правительство представит в письменном виде свои мнения по конкретным вопросам, упоминаемым в главе III доклада.

Заседание закрывается в 18 ч. 00 м.